

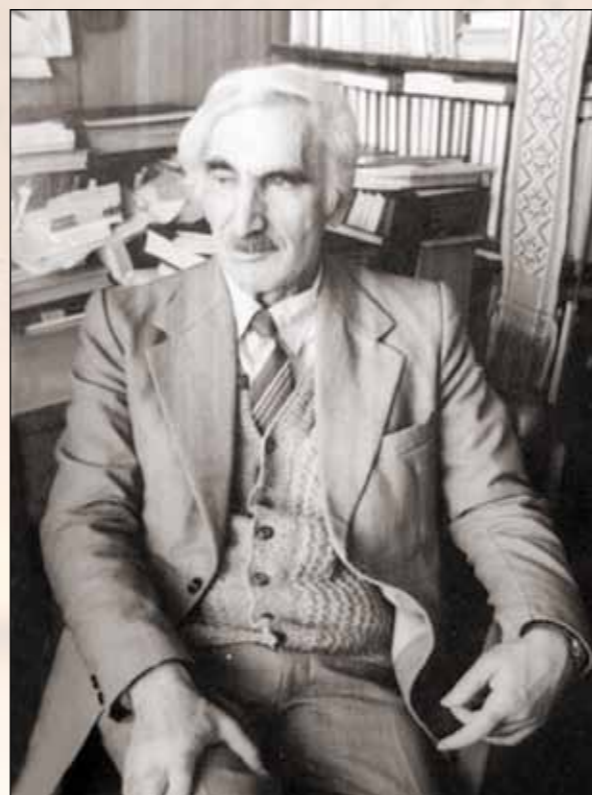
Рыцарь на службе Её Величества... Книги

ХРАНИТЕЛЬ ПЯТИ ВЕКОВ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ

Однажды в разговоре с известным литовским журналистом, писателем, знатоком истории Вилюсом Кавалаяускасом я спросила, кто из русских деятелей культуры заслуживает того, чтобы его имя было присвоено одной из вильнюсских улиц. Он без колебаний назвал первым имя Льва Ивановича Владимировича.

Недавно научный мир Литвы отметил столетие со дня рождения Льва Ивановича Владимировича (1912–1999), ученого, историка, библиоковеда, усилиями которого Вильнюсской университетской библиотеке были возвращены без малого 20 тысяч редчайших ценных книг и коллекций, некогда ей принадлежавших и вывезенных после закрытия университета в 1832 году. Вильнюсский университет совместно с библиотекой подготовили выставку раритетных возвращенных изданий, которая будет открыта до середины нынешнего года. Благодаря профессору Владимировичу на родину вернулась, пожалуй, самая ценная для литовцев книга – «Катехизис» Мартинаса Мажвидаса. Это первая книга на литовском языке была напечатана в Кенигсберге в 1547 году и помимо основ веры включала в себя литовскую азбуку. Тем самым было положено начало литовской письменности, формированию национального самосознания.

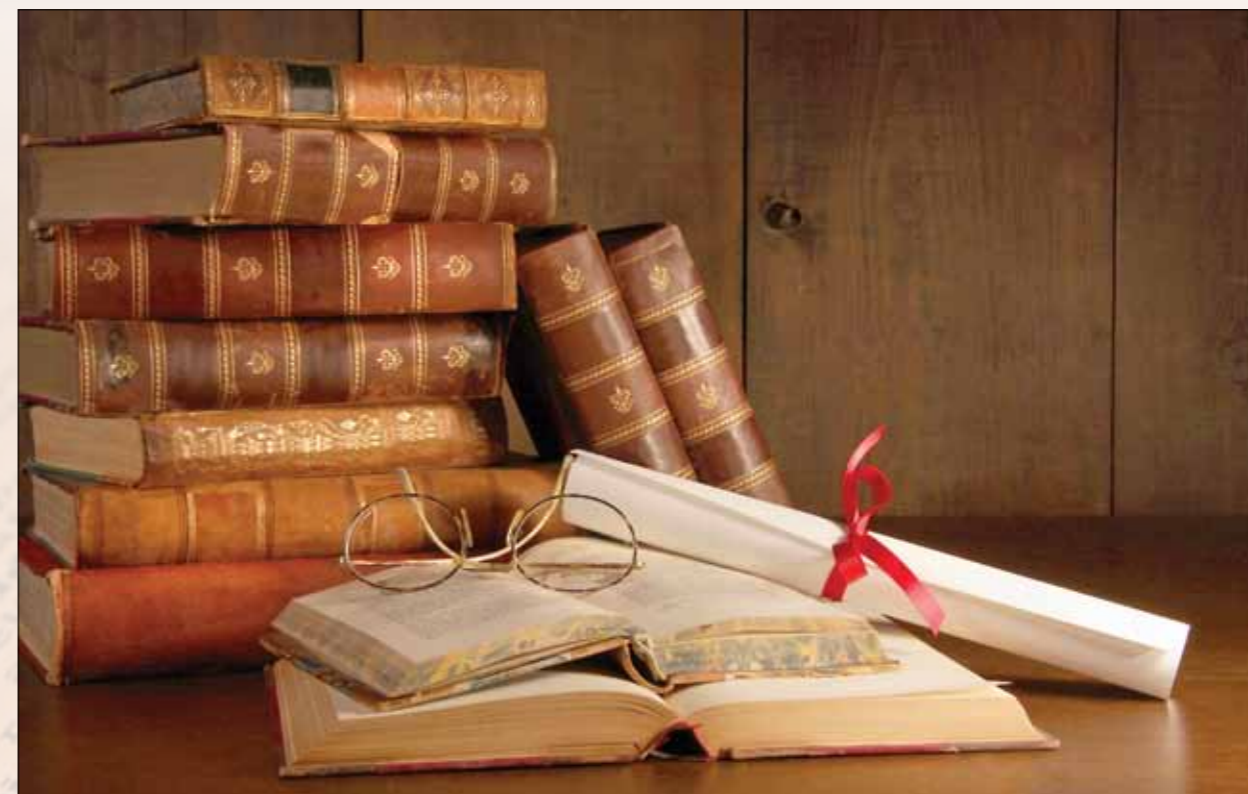
Одного только возвращения утерянных сокровищ было бы достаточно, чтобы вписать имя Владимировича в ряд деятелей, оказавших

огромное влияние на развитие культуры страны. Он также стал основоположником нового направления в библиоконоведении.

Его перу принадлежат научные труды о первопечатниках – Франциске Скорине, который, как гласит надпись на титульном листе книги «Апостол», отпечатал ее в Вильне в марте 1525 года, и Иване Федорове, а также о роли Вильны в возникновении книгопечатания в Восточной Европе.

Блестящий эрудит, интеллектуал, чей труд был отмечен медалями и другими наградами – ООН, Ватикана, литовским орденом Гядиминаса 3-й

степени, медалью Франциска Скорины Республики Беларусь, – кавалер боевого ордена Красной Звезды Лев Владимирович заслужил всенародную любовь и уважение граждан Литвы, которые называют его бескорыстным патриотом своей страны.

ВНАЧАЛЕ БЫЛА КНИГА

Рассказывая о своем учителе Льве Владимировиче, ученый секретарь Литовской Академии наук Домас Каунас затруднился сказать, был ли он русским, литовцем, гражданином мира. И остановился на определении «европеец».

Лев Иванович, будучи гражданином Литвы в третьем поколении, всегда считал себя представителем и наследником русской культуры. Для этого достаточно понять, что значили в его жизни книги.

Его дед, Иван Владимирович Владимиров, после окончания медицинского факультета был приглашен в качестве земского врача в литовский городок Тельшяй. Он основал первую в уезде больницу, за что и был удостоен звания почетного гражданина. В его семье сохранялись традиции русской интеллигенции: по вечерам вслух читались книги – как классика, так и новинки того времени. Домашняя библиотека насчитывала свыше пяти тысяч томов. В доме царил настоящий культ Льва Толстого, с кото-

рым Иван Владимирович вступил в переписку. По настоянию деда первого внука и назвали в честь писателя Львом. В начале Первой мировой войны дед был призван в действующую армию и служил в чине полковника начальником дивизионного полевого лазарета. Семья с приближением германских войск покинула родные места и переехала на Украину, откуда вернулись в 1920 году. Первым вернулся домой Иван Владимирович. Его ждала невосполнимая утрата: библиотека была сожжена немцами. В огне исчезла и самая драгоценная реликвия – письмо Льва Николаевича Толстого. Иван Владимирович умер в 1921 году, чему способствовали и выпавшие на его долю испытания, и последствия перенесенного на фронте тифа.

Дети и внуки Ивана Владимировича вернулись по существу к разбитому корыту.

Оказавшись на грани нищеты, Владимировичи не опустили руки. Они переехали в Шяуляй, где в 1926 году открыли книжный магазин-библиотеку с платным абонементом, заключили договор с каунасским книжным издательством, откуда получали все новинки. При магазине открыли мастерскую для переплетных работ, реставрации ветхих изданий. К сороковым годам в библиотечном фонде насчитывалось уже около 15 тысяч томов, и дело начало приносить скромный доход. По

воспоминаниям Льва Ивановича Владимиров, он с 12 лет с огромным удовольствием помогал матери, которая занималась составлением каталога. В это время он уже учился в немецкой гимназии с пансионом в городе Шилуте. Это был осознанный выбор. Единственная русская школа находилась далеко от дома, в Каунасе. Немецкая гимназия славилась качеством образования. К тому же родители резонно полагали, что сыну, свободно говорящему на русском, литовском и польском языках, знание еще одного не помешает.

В Каунасском университете Лев Владимиров познакомился со своей будущей женой Ириной Рейнгард, дочерью российского морского офицера, капитана второго ранга. По окончании университета Лев Иванович, который создал к тому времени семью, не смог найти работы по специальности и начал трудовую деятельность в страховом обществе.

СОЗНАТЕЛЬНЫЙ ВЫБОР

Когда началась Вторая мировая война, Иван Иванович Владимиров вместе с сыновьями Львом и Андреем отправились вместе с отступавшими красноармейцами в Россию, чтобы воевать с фашистами. Они двигались по Белоруссии и в одном из городков увидели, как дети вытаскивают из горящей школы книги и раздают их красноармейцам. Кто-то протянул потрепанную книжку Льву Владимирову. Это оказался второй том «Войны и мира» Льва Толстого.

С этой книгой, ставшей для него талисманом, многие главы которой он знал наизусть, Лев Владимиров прошел через горнило войны в составе 16-й Литовской стрелковой дивизии, был несколько раз ранен, контужен, но вернулся домой живым в звании капитана. К слову, возвращаясь летом 1944 года через освобожденную Белоруссию, он подарил, а вернее, вернул книгу первой же встреченной на своем пути школе. Будучи на фронте, вступил в коммунистическую партию. Это был нелегкий, но осознанный выбор. Он считал, что именно с помощью этой политической силы удалось разгромить фашистов, которые в его глазах были преступниками, сознательно уничтожавшими всё, что было дорого воспитанному на идеях и заветах великих русских гуманистов человеку.

В XX веке нити судеб русских людей, лишившихся исторической родины, связывались в очень прихотливые узоры. Пока Лев воевал в со-

ставе Красной армии, его жена Ирина Владимировна вместе с маленькой дочкой Наташей укрывалась от тягот войны в доме своего отца Федора Рейнгарда, убежденного монархиста, всей душой ненавидевшего советскую власть. Нужно сказать, что и его имя вписано большими буквами в историю довоенной Литвы.

Дворянский род Рейнгардов обосновался в Литве в начале XVIII века, во времена Речи Посполитой, под городом Укмерге, где семья владела обширными поместьями. Все представители мужской линии рода были профессиональными военными. Это были русские немцы, преданные России и императору. Не был исключением и Федор Федорович Рейнгард, выпускник Николаевской морской академии в Санкт-Петербурге.

Будучи убежденным монархистом, революцию не принял, отказался от командования линкором и подал рапорт об отставке. На его глазах происходил «полный развал государства, в чем я участвовать не хотел». Его глубоко оскорбляли новые порядки на флоте, бессмысленная гибель людей, жестокие расправы над офицерами. Как напишет он в своих воспоминаниях: «Много сражений имел российский флот и много кораблей погибло на моих глазах, но я не помню случая, чтобы какой-нибудь офицер спасся раньше, нежели были спасены все матросы. Наложить пятно на доблесть морских офицеров революционеры не могли».

Естественно, за такие убеждения последовал арест и, скорее всего, ждал расстрел, но его спасли матросы, любившие своего командира. Ему удалось с семьей уехать на Украину, а оттуда с Добровольческой армией перебраться в Крым. Когда белый Крым пал, он организовал эвакуацию военных и их семей на транспортном корабле «Кронштадт» в Турцию.

В Турции построил собственными руками баркас, ловил рыбу, занимался перевозками. В 1922 году Рейнгарды вернулись в Литву и поселились в Каунасе.

Летом 1944 года, когда Литву освобождала советская армия, Федор Рейнгард понял, что на этот раз его обязательно расстреляют. Он покинул страну один (семья отказалась с ним ехать), умер от сердечного приступа в 1947 году в Баварии и похоронен по завещанию на православном кладбище. Все ужасы гражданской войны, трагические изломы своей судьбы он описал в воспоминаниях. Их рукопись привез в Литву один литовский капитан, и часть воспоминаний хранится в Морском музее в Клайпеде. В 2000 году несколько глав книги были переведены на литовский язык. Она вышла под названием «Моряк, офицер, смертник».

Внучке Федора Федоровича Наталье, родившейся в семье Владимировых накануне войны, довелось увидеть своего деда по материнской линии. Вот как она вспоминает о жизни во время войны в доме деда:

– Я тогда была очень маленькой. Когда началась война, отец отправился в Россию, чтобы воевать с немцами. В составе 16-й Литовской стрелковой дивизии участвовал в битвах на Курской дуге, под Орлом, освобождал Клайпедский край, был несколько раз ранен, но мы тогда ничего о его судьбе не знали, жили вместе с бабушкой и бабушкой в просторном доме под Каунасом, который дед построил своими руками. Там у нас был прекрасный большой сад, также высаженный руками деда. Федор Федорович был человеком сурового

нрава, но при этом рачительный хозяин и мастер на все руки. В эти военные годы я не знала голода: сад и огород кормили. Причем не только нас. Дедушка жил на верхнем этаже дома и делал вид, что в дела женщин не вмешивается. А мама с бабушкой приютили у себя в полуподвале несколько еврейских семей. Были в разное время среди тех, кто скрывался в доме, и советские солдаты. Один из них, грузин, очень любил со мной возиться, говорил, что напоминаю сестренку. Много лет спустя я получила из Грузии подарок: серебряную ложечку с надписью «Наташечке». А еще помню, как мы с бабушкой через поля пробирались к лагерю военнопленных. Бабушка давала мне в руки корзинку с хлебом, а я подходила к колючей проволоке и рассовывала в протянутые руки ломти, которых, конечно, всем не хватало.

– Благополучию семьи не мешали различия в политических взглядах, которые, как я понимаю, были достаточно глубокими?

– Дед по линии мамы был убежденный монархист, бабушка, петербурженка старой закалки, получила соответствующее воспитание и придерживалась своих взглядов. Все её многочисленные братья и сестры погибли в бело-красной мясорубке гражданской войны. Мама, мягко говоря, не была в восторге от советской власти. А отец вступил в компартию во время войны и на мамины замечания отвечал: «Раз я принял такое осознанное решение, я не вправе от него отказываться». Во всем остальном родители прекрасно понимали друг друга, старались не раздувать конфликты и не касаться собственных убеждений, которые каждый вправе иметь.

ЛЮБОВЬ, ОБРАЩЕННАЯ В ПРОФЕССИЮ

После войны Лев Владимиров был приглашен на работу в Госплан республики, где перед ним открывались широкие карьерные перспективы. Но один звонок ректора ВУ, пригласившего его возглавить университетское книгохранилище, в корне изменил всё. Он без сожаления оставил хорошо оплачиваемую работу и принял, откровенно говоря, незавидное хозяйство. В здании с дырявыми потолками среди разоренных немцами фондов томились около 30 растерянных работников, которые не знали, с чего начать. Новый директор прежде всего задумался о подготовке для республики библиотечарей и библиографов высокой квалификации.

По его инициативе в университете было открыто сначала отделение, а через несколько лет кафедра библиотековедения, первая такая в СССР. Лев Иванович подготовил учебный план, сформировал преподавательский состав, несколько курсов по теории, истории библиотековедения читал сам.

Главной своей задачей он ставил восстановление и пополнение библиотечного фонда. Судьба библиотеки Вильнюсского университета, закрытого царским указом в 1832 году после Польского восстания 1830 года, была незавидной. Большинство ценных книг было вывезено в учебные заведения Москвы, Петербурга, Киева, Одессы. Многие книги в результате разных сложных обстоятельств оказались в Польше, Германии. Прежде всего, Лев Владимиров хотел добиться возвращения в Вильнюс изданий, принадлежавших когда-то университету и находящихся на территории СССР. Для этого нужно было составить хотя бы приблизительный перечень утерянного, определить направления поиска. Чтобы исполнить задуманное, он приложил титанические усилия, употребил всё своё обаяние, дипломатические качества и умение убеждать сильных мира сего как в Вильнюсе, так и в Москве.

Так, при поддержке тогдашнего секретаря ЦК Компартии Литвы Антанаса Снечкуса удалось благодаря обмену вернуть в Литву из Одесского университета такое сокровище, как первая литовская книга «Катехизис» Мартинаса Мажвидаса. В пятидесятые годы семья практически не видела Владимирову, он постоянно был в разъездах, «выручал» упорхнувшие из Литвы книги. Понятно, что все книгохранилища всегда неохотно расстаются со своими сокровищами. Его старались не пускать в основные фонды, поскольку Льву Ивановичу достаточно было взглянуть на титульный лист, чтобы определить, откуда это издание. Благодаря его усилиям Библиотека имени Ленина в Москве вернула такие редчайшие издания, как «Катехизис» Миколая Дакши (1595 года), единственный сохранившийся экземпляр напечатанного в 1525 году в Вильнюсе «Апостола» Франциска Скорины. При Владимирове университетский книжный фонд пополнился на миллион единиц

печатной продукции. Он первый из библиотечных деятелей, не получая из бюджета ни копейки, наладил обмен с библиотеками европейских стран.

ЧЕМУ МОЖНО БЫЛО НАУЧИТЬ АМЕРИКУ

В 1964 году Организация Объединенных Наций объявила конкурс на замещение должности директора своей главной библиотеки в Нью-Йорке. На эту должность было 18 соискателей из США, Канады, Японии, Венгрии, других стран. Кажется, шансы Льва Владимирову, русского из Литвы, к тому же коммуниста, были минимальны. Требования были самые жесткие. И всё-таки победил Владимиров. Не только потому, что в совершенстве владел шестью языками, а по деловым и профессиональным качествам превосходил своих конкурентов. О его благородном деле возвращения на родину утерянных раритетов хорошо знали в профессиональных кругах всего мира и уважительно называли «ловцом книг из Вильнюса».

На должности директора библиотеки ООН в Нью-Йорке он пробыл две каденции, с 1964 по 1970 год. Прежде всего он приступил к компьютеризации (!) фонда, заменив ручной способ обработки информации математическим. Даже в Америке не все тогда понимали необходимость внедрения вычислительной техники в поисковые процессы.

Библиотека ООН

После его нововведений появился электронный каталог и в Библиотеке Конгресса США, ставшей благодаря этому общедоступной. В Нью-Йорке Владимиров пишет научный труд о первопечатнике Франциске Скорине, устраивает в библиотеке выставку, посвященную этому великому деятелю белорусской культуры. Готовит очерки по истории книги и библиотек в Литве с XV века по 1917 год, которые легли в основу его кандидатской диссертации. Он считал также своим долгом развивать культурные связи с литовской эмиграцией, постоянно читал лекции в американских университетах о культурной жизни Литвы.

По возвращении в Литву оказалось, что место директора университетской библиотеки уже занято. Льву Владимирову предлагали аналогичную работу в Москве, в Библиотеке иностранной литературы, а также в Минске, но он предпочел остаться в Вильнюсе, где долгие годы заведовал университетской кафедрой библиотековедения и научной информации. Человек, называвший себя скромно: «Я только библиотекарь», предвидел те возможности и горизонты, которые открывает людям компьютерная техника.

Его творческое наследие – около 400 работ на многих языках, фундаментальные работы о первопечатниках Франциске Скорине, Иване Федорове. Как уже отмечалось, в 1988 году вышел первый том «Всеобщей истории книги». Над вторым он работал до конца жизни. Ее рукопись хранится у наследников. Несколько московских издательств брались за издание, но потом по неведомым причинам работа откладывалась.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НИЧЕГО НЕ БОЯЛСЯ

По воспоминаниям Натальи Львовны Владимировой, отец был бесстрашным человеком, не боялся говорить правду, отстаивать свое мнение. И детей учил: «Никогда ничего не бойтесь. Пусть боятся другие, думая, что у вас есть кто-то за спиной».

Сколько она себя помнит, он почти всё время проводил за рабочим столом, и детям строго-настрого запрещалось ему мешать. Он был молчаливым и в то же время веселым, остроумным человеком. Если мама жаловалась на непослушных детей и шутя предлагала, например, выпороть

сорванца-сына Юрку, отец неизменно отвечал: «Сегодня не могу. Я сегодня добрый». Вообще он больше перекладывал на маму задачи по воспитанию двух дочерей и сына. В то же время между супругами была глубокая духовная связь и полное взаимопонимание.

М.Келдыш и Л.Владимиров в Вильнюсе

Иногда, поддразнивая супругу, он декламировал нелюбимого ею Маяковского, а увидев, что рассердил, – переходил на Пушкина. И одновременно был очень к ней внимателен. Когда Ирина Федоровна лежала в больнице, он каждый день пересказывал ее любимый телесериал «Санта-Барбара», который тогда показывали по телевидению. Мама ушла из жизни на пять лет раньше отца, скончавшегося в 1999 году, и с этой потерей он не смог справиться. Дети видели, что подруга жизни как бы присутствовала во всех его делах и начинаниях.

Отрадно, что дело Льва Ивановича живет в его внуках, которые выросли в интернациональных семьях, где смешались литовская, русская, еврейская кровь. Дочь Натальи Нина работает в Литовской национальной библиотеке имени Мартинаса Мажвидаса в отделе русской литературы. Другие внуки выбрали профессии программистов, специалистов по информационным технологиям.

Под руководством Льва Ивановича защитили кандидатские диссертации без малого два десятка наиболее способных студентов. На посвященном ему семинаре одна из его учениц, заведующая отделом редких книг университетской библиотеки Ина Казуро, с горечью признала, что людей масштаба Владимирову, настоящих патриотов Литвы, в современной истории страны пока нет. Остается только ждать и надеяться...

Галина Афанасьева,
специально для «Янтарного моста»